
Сянси

Едва весть о прибытии в Сянси Святого Клинка Хань Линя разнеслась по округе, как самая свирепая банда разбойников в этих краях оказалась на грани развала. Кто-то бежал, кто-то сдавался — войско, державшее в страхе всю округу, рассыпалось в прах. Эти бандиты, промышлявшие грабежами, похищениями и поборами на дорогах, давно стали проклятием для местных жителей.

Во времена, когда Павильон Тёмного Дождя ещё носил своё полное имя — Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя, — главарь разбойников умело ладил с властями. Он подкупал чиновников и водил дружбу с Цуй Фу. Каждый год в поместье Цуй из Сянси доставляли золотые слитки, спрятанные в шкатулках с едой, запечённые в пирожные или запечатанные в старинные фарфоровые вазы. Поэтому местное отделение организации смотрело на их бесчинства сквозь пальцы.

Но теперь всё изменилось. Новый владыка, Шангуань Цзюэ, выходец из знатной семьи Шангуань из Цзиньлина, решил остаться в цзянху и возглавил Павильон Тёмного Дождя. После гибели его родных всё их несметное богатство, включая сеть аптек по всей Поднебесной, перешло к нему. В подобных подношениях он не нуждался.

Более того, Цуй Фу в своё время всячески досаждал и Шангуань Цюэ, и Хань Линю. Так что тесные связи, которыми когда-то так гордился главарь бандитов, теперь обернулись против него — он словно заблаговременно рыл себе могилу.

Сменив владыку, Шангуань Цюэ, пока Хань Линь несколько месяцев восстанавливался в Лояне, в одиночку переворочил старые дела тридцатилетней давности. Он практически полностью истребил людей Цуй Фу, не говоря уже о такой заметной фигуре, как предводитель разбойников из Сянси. Он отдал приказ ужесточить контроль в местном отделении Павильона и начал налаживать отношения с торговыми гильдиями и богатыми купцами, обеспечивая защиту их караванам.

Грабители не решались трогать людей, находящихся под покровительством Павильона, но такая жизнь впроголодь для тех, кто привык к разгулу, была настоящей пыткой.

Старые методы подкупа чиновников тоже перестали работать. Главарь банды несколько раз пытался с дарами навестить прежних покровителей, но те лишь в ужасе отмахивались от него и громко приказывали выпроводить гостя.

Всё потому, что Шангуань Цюэ недавно написал письмо Одиннадцатой принцессе, в котором вновь поднял вопрос об уничтожении бандитов в Сянси. Он даже нашёл оправдание для

местных властей, заявив, что те были вынуждены бездействовать из-за бедности края, слабости гарнизона и давления со стороны преступников, и винить их в провале карательных операций нельзя. Чиновники, не один год проведшие в интригах, прекрасно поняли намёк владыки Павильона, дававшего им шанс. Они тут же ухватились за эту возможность и полностью разорвали все связи с разбойниками.

Главарь, столкнувшись с отказами со всех сторон, затаил обиду и в отместку разграбил казну Павильона Тёмного Дождя, а затем ещё несколько раз нападал на их отделение в Сянси, чтобы выместить злобу.

Кто бы мог подумать, что не пройдёт и нескольких дней, как его действия призовут в эти края самого Хань Линя. Услышав эту новость, многие из бандитов от страха лишились чувств.

Как говорится, сороконожка и после смерти не сразу застывает. Банда всё ещё была многочисленной, и в чужих краях даже дракон не может одолеть змею. Настоящая битва обещала быть тяжёлой.

Именно поэтому Шангуань Цюэ и отпустил Хань Линя. Не говоря уже о прочем, одно его присутствие в Павильоне Тёмного Дождя укрепляло боевой дух и внушало ужас врагам.

Но прозвище «Святой Клинка» оказалось слишком громким. Жители Сянси прекрасно помнили, что за человек был старый Святой Клинка, Мужун Хаосюэ. Каким же был тот, кто в столь юном возрасте прославился как Маленький Святой Клинка, они и представить боялись. Устрашающий эффект от прибытия Хань Линя превзошёл все ожидания. Мятежники, собиравшиеся было тянуть время, увидели, что половина их людей уже разбежалась, и отдали приказ: ночью тайно окружить Павильон Тёмного Дождя и дать последний бой.

Это известие было передано шпионом Павильона, внедрённым в банду. Получив донесение, Хань Линь приказал не поднимать шума, эвакуировать отделение в Сянси и устроить засаду. В четвёртую стражу, когда разбойники под покровом ночи подобрались к зданию, их окружили в узких улочках.

Ночью моросил мелкий дождь. Одна сторона защищала свои позиции, другая шла напролом, понимая, что отступать некуда. Для обеих сторон это была битва не на жизнь, а на смерть. Людей у Павильона Тёмного Дождя было меньше, но все они были элитой. Впереди, вращая длинной саблей, шёл Хань Линь. Куда бы ни сверкнул клинок, там катилась с плеч голова.

К утру дождь не только не прекратился, но и усилился. Из логова бандитов непрерывным потоком прибывало подкрепление, и битва разгорелась с новой силой. Улочки с белыми стенами и чёрной черепицей были завалены телами. Пруды переполнились, и вода, смешанная с рясой, хлынула на улицы. Кровавые потоки, в которых плавали трупы, доходили до середины голени.

Хань Линю давно не приходилось так размяться, и он, к своему удивлению, столкнувшись с такой крупной шайкой, был вне себя от радости. К тому же, холодный дождь, промочивший его

до нитки, на время усмирил ту ноющую жару, что таилась в его теле. Правда, после такого ливня простуда, скорее всего, только усилится.

Все старались держаться от него подальше, но его клинок, сверкающий всё ярче под струями дождя, безошибочно находил их. Белая сталь целовала горло, и оттуда вырывались вязкие, горячие, кроваво-красные любовь и смерть.

К полудню дождь наконец прекратился. Страх, овладевший разбойниками, больше нельзя было сдерживать, и они начали разбегаться. Хань Линь повёл своих людей назад, чтобы временно перегруппироваться. Под пристальным взглядом человека, исполнявшего обязанности лекаря, ему пришлось сменить одежду на сухую и тщательно вытереть волосы.

В этот раз Хань Линь привёз в Сянси несколько комплектов новой формы Павильона Тёмного Дождя. Прежняя чёрная одежда была грубой, от частых стирок выцветала до серого, а ткань была жёсткой, как наждачная бумага, и натирала кожу.

Новую форму ввёл Шангуань Цюэ. У него от старой одежды по всему телу пошла сыпь, и с тех пор он её не носил.

Шангуань Цюэ заказал несколько пробных комплектов по разным эскизам, а затем заставил Хань Линя перемерить всё и выбрать самый удачный. В итоге остановились на одном варианте. Одежда по-прежнему была чёрной, как вороново крыло, и в целом походила на старую, но крой и качество исполнения были на порядок выше. Мягкая и прочная ткань была украшена тёмным узором, напоминающим струящиеся языки пламени с дуньхуанских фресок, который можно было разглядеть, лишь подойдя вплотную.

Правда, пока успели сшить форму только для северных отделений, до южных руки ещё не дошли. Владыка специально попросил Хань Линя надеть новый комплект, чтобы показать его местным.

Приведя себя в порядок, Хань Линь, получив одобрительный кивок от наблюдавшего за ним медика, быстро расчесал волосы, собрал их в высокий хвост, схватил саблю и, на ходу откусив кусок парового хлебца, поспешил на улицу, чтобы возглавить погоню. После дождя выглянуло солнце, и два тонких серебряных кольца в его правом ухе, тоньше мизинца, ярко сверкнули в его лучах.

Хань Линь никогда не тратил своё немногочисленное терпение на внешность. Сидеть полчаса, укладывая волосы, — уж лучше пойти на улицу и помахать саблей, отточить мастерство. Короткая стрижка, как у Яо Хуана, была бы удобнее, но волосы — дар покойных родителей, и он не решался их обрезать. А небрежно завязанные пряди от его постоянного движения быстро растрёпывались, придавая ему вид утопленника.

Поражение банды было сокрушительным, и по пути им в основном встречались те, кто хотел сдаться. Процедура была простой: назвать имя и должность, а затем послушно подойти, чтобы связали запястья. На одну длинную верёвку нанизывали по тридцать человек, после чего их

уводили в Павильон Тёмного Дождя.

Местный управляющий сказал Хань Линю, что пленных придётся держать в Павильоне.

— А почему не в управу?

— Владыка считает, что эти люди пошли на преступление от бедности. Не стоит их всех истреблять. Обычно в таких делах казнят только главарей. Что до рядовых бойцов, то позже из управы придёт чиновник, составит по нашим спискам объявление и расклеит его, чтобы семьи могли прийти в Павильон, подписать бумаги, оставить отпечатки пальцев и забрать их домой. На этом дело и закончится. Да и в казённой тюрьме столько народу не поместится.

Хань Линь кивнул, но тут впереди послышался шум.

— Что там такое? — спросил он.

— Поймали девчонку, а она ни в какую имя не называет. Красивая, вот парни и подшучивают.

Хань Линь нахмурился и громко крикнул:

— Руки прочь!

Впереди все знали, чей это голос, и смех тут же стих. Люди расступились, и Хань Линь, поспешив вперёд, увидел в центре круга девушку лет четырнадцати-пятнадцати, вцепившуюся зубами в ногу одного из мужчин.

Девушка была вся в ранах и выглядела ослабленной, но рычала с таким свирепым видом, что напомнила Хань Линю тибетскую суку мастифа, которую он видел пару лет назад.

Штаны мужчины были спущены до щиколоток, он, прикрывая руками пах, с побелевшим лицом и дрожащими губами лепетал:

— Так она сама не отпускает!

Девушка яростно обернулась и, увидев лицо Хань Линя, замерла.

Хань Линь, узнав её, вздохнул и, приложив руку ко лбу, сказал:

— Отпусти.

Девушка послушно разжала зубы и, сев на землю, рукавом вытерла с губ кровь и грязь.

Хань Линь приказал унести раненого, бросив ему на прощание:

— Вечером я с тобой поговорю.

Тот попытался было возразить, но Хань Линь добавил:

— А ты думаешь, она бы тебя покусала, если бы ты ничего не делал?

Мужчина замолчал.

— Пойдём со мной, — сказал Хань Линь девушке, которая уже сама поднялась на ноги, а затем обратился к толпе: — Я знаю эту девушку. Она собирала в горах травы, видимо, разбойники похитили её, а она сопротивлялась, вот её и избили. Расходитесь.

Отведя девушку в безлюдное место, Хань Линь тут же обернулся:

— Как ты здесь оказалась?

Это была та самая девушка, что в мужской одежде прислуживала Вань Миньюэ в тот день — У Мэйхао.

Мэйхао, всё ещё злясь на себя за то, что каждый раз предстаёт перед ним в таком жалком виде, услышав его вопрос, тут же вспомнила о главном. Она огляделась по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, сказала:

— Заместитель главы Ордена Миньюэ и ещё с десятков наших людей уже полмесяца заперты в горах. Он ранен в ногу и не может ходить. Я воспользовалась суматохой и сбежала, чтобы позвать на помощь.

Хань Линь подробно расспросил её, где именно находится Вань Миньюэ, что растёт вокруг, каков рельеф местности и как далеко это отсюда. Мэйхао, которую заместитель главы обучал своей осторожности и внимательности, всё запомнила и теперь отвечала без запинки.

Хань Линь немного подумал и сказал:

— Вот что. Ты спускайся с горы и найди где-нибудь поблизости место, чтобы спрятаться и подлечиться. У вашего Ордена Безмолвных Цикад в Сянси нет влияния, пока вы соберёте подмогу, пройдёт слишком много времени. Этим делом займусь я.

Мэйхао не стала упрячиться и говорить, что пойдёт с ним. Она и сама была ранена, и если бы спугнула врага, то только навредила бы.

Она покраснела и, наконец, выдавила:

— Ваши услуги так дорого стоят.

Она поняла, что Хань Линь имел в виду: Павильон Тёмного Дождя спасёт их людей. Но за такое спасение её ордену придётся заплатить выкуп. Отношения между ними были натянутыми, и в таких случаях Павильон всегда заламывал баснословную цену. А тут речь шла о заместителе главы ордена.

Хань Линь улыбнулся:

— Ничего не поделаешь.

Он снял с пояса медную бляху со сложным узором и протянул ей.

— Возьми, с ней тебя никто из Павильона не тронет. Попроси ещё меч для самозащиты. А эти деньги возьми на расходы. Когда устроишься внизу, найди какого-нибудь мальчишку, пусть отнесёт эту бляху в Павильон и скажет, что нашёл на дороге. Я пока схожу к Ласточке, посмотрю, может, удастся его вытащить.

Мэйхао с тревогой спросила, вспомнив о давней вражде между двумя орденами:

— А люди из вашего Павильона... увидев его... ничего не сделают?

Увидев тяжелораненого заместителя главы Ордена Безмолвных Цикад, люди Павильона Тёмного Дождя, скорее всего, захотят его убить. Уж лучше бы он оставался там. Те, кто его держал, надеялись выведать у Вань Миньюэ секреты ордена и тайны главы Бай. Они получили ложные сведения и отправились их проверять. Пока они не убедятся в их подлинности, убивать его не станут.

Хань Линь похлопал её по плечу и успокоил:

— Не волнуйся, я пойду один. Если получится, выведу Ласточку сразу. Если нет — вернусь за подмогой. Со мной он будет в безопасности. Я обещаю, что Ласточка вернётся в Орден Безмолвных Цикад целым и невредимым.

Убирая руку, он не заметил, как Мэйхао пристально посмотрела на его запястье, на красную нить с чёрным нефритом. Она хотела что-то сказать, но промолчала.

Прошлый год. Август

В августе прошлого года, когда Вань Миньюэ отправился в Храм Золотой Росы за этой красной нитью, она только-только стала его помощницей. Это был самый известный и чудодейственный храм в западной Сычуани, построенный высоко в горах. Её родители когда-то именно там молили о вечной любви, и они до сих пор жили душа в душу в своём родном Шаосине.

Вот только У Мэйхао, дитя этой благословенной любви, всю дорогу до храма страдала от горной болезни.

Вань Миньюэ было не лучше. В то время уже ходили слухи, что он станет заместителем главы ордена, и сам глава повсюду брал его с собой, представляя нужным людям. Все говорили, что глава, трудившийся с юности до сорока с лишним лет без отдыха, решил наконец уйти на покой.

Но в августе молодого человека внезапно лишили всех должностей и запретили покидать Сычуань.

Почему это произошло, Мэйхао тогда не интересовалась. В те дни схватили Хань Линя, и она, затаив дыхание, пыталась разузнать хоть что-то о его судьбе.

Так что, скорее всего, Вань Миньюэ молился в тот раз о своей карьере. Вот только его наставник был даосом, поможет ли тут буддийский храм — неизвестно.

Солнце в преддверии праздника середины осени палило нещадно. Лицо молодого человека, всегда спокойного и отстранённо-бледного, по мере подъёма становилось всё блее. Брови его были нахмурены, а волосы, обычно безупречно уложенные, растрепались и падали на лицо. У него не было сил даже поднять руку, чтобы поправить их. Он был похож на бумажного змея, готового улететь от малейшего порыва ветра.

Мэйхао видела, что он из последних сил старается сохранять самообладание. Заместитель главы плотно сжимал губы и всю дорогу пытался выровнять дыхание, чтобы его не стошнило. Видя, как ему плохо, помощница старалась его не отвлекать.

— Мы правда не можем подняться с помощью техники лёгкости? — не выдержав, пожаловалась она, вытерев рот после очередного приступа тошноты.

— Молитва требует искренности.

Храм Золотой Росы стоял на вершине горы, и от подножия к нему вела длинная лестница из синего камня. В полдень ступени так нагревались, что Мэйхао казалось, будто её ступни вот-вот покроются волдырями. Подняв глаза, она увидела, что они прошли лишь половину пути.

Вань Миньюэ договорился о встрече, у него было рекомендательное письмо. Судя по разговорам, тот, к кому они шли, был старшим братом настоятеля храма. Мэйхао сидела в тени на ступенях главного зала и с любопытством осматривалась.

Храм Золотой Росы не походил на богатые и процветающие храмы на равнине. Он выглядел довольно бедным: стены были в выбоинах, пол неровный, с выбитыми кирпичами — следы времени, ветра и солнца. Среди паломников было много тибетцев в национальных одеждах, судя по красным отметинам на лицах — местных жителей. Но были и те, кто, как и они, пришёл издалека в поисках чуда: влюблённые, торговцы, родители.

Одна пара, только что поднявшаяся на гору, устало опустилась под раскидистой древней сосной. Они говорили достаточно громко, чтобы Мэйхао их слышала.

— Говорят, если взять освящённый талисман, зажать его в ладонях и, кланяясь на каждой ступени, подняться от самого подножия до ворот, то любое желание исполнится, — сказал мужчина.

— Да это всё сказки, — ответила женщина. — К тому же, лестница такая длинная, сколько же придётся кланяться? Не вздумай делать глупостей.

Мужчина рассмеялся и сказал, что это просто слух, и никто в здравом уме не станет этого делать.

В этот момент вышел Вань Миньюэ. Мэйхао, отдохнув, поднялась, и они вместе начали спускаться по длинной лестнице.

На самом деле, её родители проделали этот изнурительный путь.

Эту историю Мэйхао слышала с детства. Когда их семьи воспротивились браку, они сбежали и пришли в этот храм. Услышав о поверье, её отец, ударив себя в грудь, заявил, что пройдёт весь путь. К сожалению, на полпути он потерял сознание. Тогда его дело продолжила мать, но и она, пройдя сто ступеней, выбилась из сил. В итоге, за три дня они вдвоём одолели лестницу и, спустившись, встретили своих разгневанных родителей. Услышав об их поступке, те, видя упорство детей, были вынуждены уступить и благословить их союз.

Спуск всегда даётся легче. Мэйхао, напевая, прыгнула с последней ступени и, оперев руки в бока, обернулась, чтобы посмотреть на длинную лестницу.

«Прощай! Больше я никогда не буду карабкаться по таким лестницам!»

Она и представить не могла, что на свете, кроме её сумасшедших родителей, найдётся ещё кто-то, готовый на такое.

Сделав пару шагов, Мэйхао поняла, что рядом никого нет. Она обернулась и увидела, что Вань Миньюэ уже кланяется на второй ступени.

Лишь когда он одолел тридцать с лишним ступеней, до помощницы дошло, что происходит.

Вань Миньюэ продолжал свой путь, ступень за ступенью. Мэйхао не могла уйти одна, поэтому с помощью техники лёгкости она взлетела на высокое дерево у храма и, подперев голову рукой, стала наблюдать, как он поднимается, снова опускается на колени, склоняет голову.

Подняться, снова опуститься на колени, склонить голову.

Подняться, снова опуститься на колени, склонить голову.

Пройдя половину пути, молодой человек стал двигаться всё медленнее. Приближались сумерки, и люди, спускавшиеся из храма, с удивлением смотрели на него.

Горная болезнь у Вань Миньюэ была сильнее, чем у неё, и он ни разу не останавливался, чтобы отдохнуть. Когда до вершины оставалось около двухсот ступеней, он после каждого поклона надолго замирал, уперевшись лбом в камень. Одежда его давно промокла от пота и липла к телу.

Мэйхао, видя это, сходила в храм за водой. Тот выпил и тут же, склонившись над обрывом, вырвал. Прополоскав рот, он едва дышал.

Мэйхао испугалась и сказала:

— Это ведь может и не сработать.

Вань Миньюэ, прислонившись к скале и глядя на далёкие горы, с непонятым выражением в глазах ответил:

— А вдруг? Больше я ничего сделать не могу.

Мэйхао сидела рядом и поила его водой, думая про себя:

«Неужели должность заместителя главы стоит того, чтобы рисковать жизнью?»

Когда он достиг последней ступени, на небе уже сияли звёзды. Высоко в горах ночи были

очень холодными. Вань Миньюэ, словно перетянутая струна, которая внезапно лопнула, рухнул на землю. Мэйхао бросилась к нему и успела подхватить, не дав упасть с горы.

Заместитель главы был высоким, и Мэйхао с трудом оттащила его под дерево. Она уже собиралась встать, чтобы позвать на помощь монахов, как вдруг наткнулась ногой на что-то лёгкое.

Наклонившись, она увидела на земле красную нить — тот самый освящённый талисман, который Вань Миньюэ, должно быть, сжимал в руке, преодолевая все эти ступени. Подняв его и поднеся к фонарю, она разглядела красную нить, плетёную алмазным узлом, с продетой в центре чёрной нефритовой бусиной размером с вишню, на которой были выгравированы золотые иероглифы и узоры.

Мэйхао помнила, что Вань Миньюэ в тот день просил только одну нить. С тех пор она ни разу не видела, чтобы он её носил или даже доставал. Правда, вскоре его действительно снова назначили заместителем главы, и Мэйхао втайне думала, что поклоны помогли.

Так как же она оказалась сейчас на руке Хань Линя?

Это было странно, но сейчас были дела поважнее.

Мэйхао не стала долго раздумывать и, повернувшись, чтобы уйти, услышала за спиной голос Хань Линя:

— Ласточка... он... сильно ранен?

— Только нога. Заместитель главы сам ударил себя кинжалом. Он знает меридианы, так что, скорее всего, не задел ни сосудов, ни важных точек. Но, говорят, ходить он пока не может. Его держат одного, так что я не знаю, как он сейчас.

— Будь осторожна, — кивнул Хань Линь.

<http://bllate.org/book/15990/1501506>